

«действие-предмет воздействия».

Слово, выступающее в функции места, обычно относится к классу слов с пространственной семантикой. Для описания лексического значения этих слов часто используется лексема «место» (*place*), которое и передаёт функцию «служить вместилищем чего-либо».

Можно отметить, что основным способом передачи пространственной локализации являются предложно-падежные конструкции и семантико-синтаксические структуры.

Возможность сопоставления и сравнения различных способов интерпретации понятия предложно-пространственной локализации позволяет проводить параллели и устанавливать смысловые соответствия между ними.

Необходимо отметить, что в контексте общей категоризации и концептуализации категория пространства играет важную роль в формировании языковой картины мира человека.

Литература

1. Армеева А.Р. Локативные предложные конструкции как средство описания пространства. – М.: из-во МГУ, 1994.
2. Бондаренко А.В. Грамматическое значение и смысл – Л., 1978 – с. 88.
3. Давыдова М.К. Предложные обстоятельства в современном английском языке. – Ярославль, 1971. – с. 80-90.
4. Варшавская А.И. Конструкции с пространственным значением и парадигматика их внутренней структуры. – Л., 1974 – с. 27.
5. Haily A. *The Money Changers*. Pan Book Ltd, 1978
6. Haily A. *The Money Changers*. Pan Book, Ltd, 1978.
7. Spark M. *The Public Image. Stories*. Moscow 1976.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПЕРЕВОДУ

*Н.В. Зимовец
(Белгород)*

При обучении переводу указывают на основную цель, которую должен ставить перед собой переводчик – передать информацию оригинала и при этом достичь эквивалентности в переводном тексте.

Под информацией понимается все содержание, все сведения как смыслового, так и стилистического, эмоционально-экспрессивного, функционального, оценочного, жанрового, эстетического характера, закреплённые в оригинальном тексте и подлежащие передаче при переводе на другой язык [1, 11].

Эквивалентность (адекватность) рассматривается как наиболее полное и идентичное сохранение в тексте перевода жанрового своеобразия оригинала и всей разнообразной информации, содержащейся в тексте подлинника [1, 11].

При передаче смысла исходного текста переводчику необходимо идентифицировать денотат и найти ему иноязычный эквивалент на переводном языке. Трудность состоит в том, что необходимо выбрать адекватную речевую единицу из всех существующих вариантов. В случае, когда синонимическое выражение отсутствует в языке, то приходится использовать дополнительные источники для передачи информации оригинала.

Языковые единицы – это не просто ярлыки, используемые для обозначения соответствующих объектов. У каждого языкового знака имеется устойчивое, ему одному присущее значение, и эти значения у единиц разных языков, как правило, не совпадают. Поэтому перевод никогда не сводится к простой замене одной формы на другую, и переводчику приходится постоянно решать, значения каких единиц языка перевода наиболее соответствуют содержанию оригинала [2, 19-20].

На наш взгляд при обучении художественному переводу нужно обращать особое внимание на особенности передачи экспрессивно-эмоциональной информации. Будущему переводчику нужно знать, что художественные тексты отличаются насыщенностью эмоционально-экспрессивной информацией. Это обусловлено тем, что в таких текстах особое значение приобретает форма изложения, влияющая и на эстетическую ценность произведения и на уровень эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя.

При обучении художественному переводу необходимо указывать на то, что не всегда воспроизведение полной эмоционально-экспрессивной информации оригинала сводится к введению в текст перевода дополнительных лексем, использованию описательного перевода, различного рода замен, иногда, напротив, это приводит к утрате части данной информации ИЯ, тем самым перевод уступает по выразительности оригиналу. В переводе встречаются случаи, когда лексические единицы ПЯ более эмоционально-экспрессивны, чем лексические единицы ИЯ. Можно наблюдать в переводе сознательную замену переводчиком нейтральной лексической единицы ИЯ более образным, функционально-дифференцированным словосочетанием ПЯ, с целью восстановления потери стилистической информации в другом фрагменте оригинала, создания текстов, эквивалентных с точки зрения общей текстовой коннотации.

Эмоционально-оценочный, образный характер предложения ИЯ заключается в окказиональном словосочетании, необычность которого, как правило, в употреблении с антропонимами. Это когда, например, перено-

сятся свойства глагола на неодушевленный предмет, вследствие чего возникает окказиональное словосочетание с переносным, переосмысленным значением. Употребление подобного словосочетания в ПЯ невозможно, так как оно не обладает тем сигнификативно-ассоциативным планом, который в словосочетании ИЯ создают окказиональные семы. Обычно в переводах осуществляется комментирование, актуализируется лишь предметно-логическая информация, а образная коннотация, создаваемая в ИЯ окказиональными семами – утрачивается.

Когда нейтральные лексические единицы ИЯ переводятся более образными словосочетаниями ПЯ, то это приводит к семантической декомпрессии перевода, которая иногда рассматривается как прием, способствующий компенсировать потерю стилистической информации ИЯ, необходимый для восстановления ее в другом фрагменте перевода, т.к. коннотативный аспект содержания текста может нести информацию нередко коммуникативно более значимую, чем его денотативный аспект.

Иногда, переводчик прибегает к антонимическому переводу, в результате которого происходит замена нейтральной глагольной лексики стилистически окрашенным словосочетанием с одновременным снятием отрицания. Иными словами происходит замена прямого денотативного значения коннотативным значением:

Приступ не проходил (с. 63)

It went on and on (p. 71).

Сами не спят и другим спать не дают (с. 240)

They don't sleep in that house, and they keep everyone else awake as well (p. 316).

Кологривовы не отпускали ее (с. 67).

The Kologrivovs ... wanted her to stay on with them (p. 75).

Часто стилистически нейтральное словосочетание заменяется в ПЯ функционально-дифференцированным, относящимся к художественной (или разговорной) речи, являющимся более образным по сравнению со словосочетанием ИЯ:

Впрочем немного йоду не помещает (с. 74)

A drop of iodine wouldn't do any harm, though (p. 85).

Они решили пожениться, не откладывая, еще до окончания экзаменов (с. 81).

They made up their minds to get married at once, before graduation. (p. 96).

В первом примере нейтральная глагольная лексема (не)мешать заменена более образным, относящимся к пласту разговорной речи словосочетанием – *(not) to do any harm*, во втором примере наблюдается тоже явление – замена нейтрального глагола решать более ярким выражением *to make up one's mind*.

Вокруг нее шептались Свентицкие, доктор Дроков, прислуга (с. 78).

The Sventitskys, the servants and Dr. Drokov were talking in whispers

around her (p. 91).

Руфина Описимовна выражала Ларе свое презрение повышенным оживлением. Она хлопала дверьми и громко напевала, вихремносясь по своей части квартиры, и по целым дням проветривала у себя комнаты (с. 79).

She expressed her contempt for Lara by being brisker than usual. She banged doors, sang in a loud voice, tore through her part of the apartment like hurricane, and kept the windows open all day long (p. 93).

Характер описываемой ситуации, особенности речевого произведения, заставляют переводчика создать текст на ПЯ, обладающий, если не такими же достоинствами, что и текст на ИЯ, то, по крайней мере, воспроизводящий функционально-стилистические и нормативно-стилистические характеристики оригинала. Поэтому перевод глагола шептались, представлен выражением с более возвышенной нормативно-стилистической окраской – were talking in whisper (а не – were whispering). А во втором примере повышенным оживлением – не просто by heightened animation, а by being brisker than usual, громко напевала – не просто sang loudly, а sang in a loud voice.

Переводчик может сохранить эмоциональную окрашенность оригинала путем подбора идентичного по своему функционально-стилистическому характеру перевода:

Он отвел от нее грозившую ей кару (с. 81).

He had warded off the punishment that hung over her (p. 95).

Приемы различного воспроизведения в ПТ функции конкретной стилистически-окрашенной лексической единицы наглядно видны в следующем примере:

У нее подкашивались ноги (с. 69).

She could hardly keep on her feet (p. 78).

У Лары подкашивались ноги (с. 74).

Lara's legs gave way under her... (p. 85).

Для воспроизведения функции исходного высказывания переводчик не использовал прием простой подстановки, не искал одно и то же стилистическое средство, что и в оригинале. Главное, чтобы у носителей ПЯ была достигнута одинаковая реакция, что и у носителей ИЯ, одинаковый экспрессивно-стилистический эффект [4:142], чтобы была передана общая стилистическая тональность текстов на ИЯ и ПЯ, создаваемая совокупностью функционально-стилистических и нормативно-стилистических окрасок языковых единиц [3:143].

Переводчик должен учитывать при переводе коммуникативно-функциональную ценность содержательных компонентов высказывания:

Но теперь он был неузнаваем. Ничего не требовал, не напоминал о себе и даже не показывался. И постоянно, держась на расстоянии, благороднейшим образом предлагал свою помощь (с. 80).

But now he had changed beyond recognition. He made no demands, never reminde her of the past, and never even came. And all that time he kept at a distance from her, and most nobly offered to help her (p. 94).

В данном примере ИЯ коммуникативно-функциональную ценность представляют глагольные лексемы. Их большая численность в рамках данного отрывка способствует динамизму повествования и тем самым вызывает определенный стилистический эффект. Следовательно, при переводе необходимо обратить внимание на глагольные словоформы. Переводчик прибегает к замене большинства глагольных словосочетаний более образными, более эмоционально окрашенными: был неузнаваем – had changed beyond recognition; не требовал – made no demands, не напоминал о себе – never reminde her of the past при этом эксплицировано контекстуальное значение.

Значения форм субъективной оценки русского языка передаются в английском языке различными экспрессивно-выразительными средствами и во многих случаях адъективно-субстантивными словосочетаниями, адъективным компонентом которых являются эмоциональные прилагательные. Кваликативные семы уменьшительности, ласкательности, увеличительности и пр., выражаемые в ИЯ суффиксами субъективной оценки, актуализируются в тексте перевода, как правило, по модели прилагательное + существительное или притяжательное местоимение + существительное:

- *Ай не буду, дядька, ай не буду, не буду, ай больно!* (с. 34)

Ouch, I won't do it any more, little uncle, ow, I won't do it any more, ouch, it hurts! (p. 30).

И две сестренки (с. 174).

... and my two little sisters (p. 224).

Там звезды небесные становились лампадками, боженька – батюшкой и все размещались на должностях более или менее по способностям (с. 75).

There the heavenly stars became the lights before the icons, and the Lord God was a kindly Father, and everything more or less fell into its right place (p. 87).

Для актуализации в тексте на ПЯ значений, выражаемых в ИЯ суффиксами субъективной оценки, переводчики добавляют слова, обладающие коннотативными значениями, прибегают к описательному переводу:

Наивная от природы, но с расчетом наивничаящая, молоденькая, но уже и молодящаяся (с. 202).

Naïve by nature, she also affects naïveté; and although she is still quite young, she already pretends to be younger still ... (p. 262).

Для усиления стилистического эффекта описываемых событий в ИЯ используются повторы, сложность перевода которых заключается в том, что необходимо актуализировать тот стилистический эффект, который создается повторением слов:

Если бы это случилось совсем еще недавно, не дальше чем нынешней весной, то в данном положении, сидя мокры-мокрешеньки вдвоем после такой переправы, они непременно бы шумели, ругались бы или хохотали (с. 27).

They were sitting side by side, drenched to the skin. No later than last spring, after such an adventure, they would have shouted, cursed or laughed (p. 19).

Дама в лиловом была швейцарская подданная мадемуазель Флери из Мелюзеева, старая-престарая (с. 368).

The lady in lilac was a Swiss national; she was Mademoiselle Fleury, from Meliuzeievo, and she was now very, very old (p. 492).

Переводчик стремится создать текст на ПЯ, который выражает содержание ИЯ, но имеет естественную форму ПЯ, это связано с одной из целей создания функционально-коммуникативных текстов на ИЯ и ПЯ, а именно достижению одинакового коммуникативного эффекта соответственно на носителей ИЯ и ПЯ.

Значения русских глаголов видоизменяют приставки, придают им различные оттенки изобразительности и приводят к усилению или ослаблению их выразительности. Русские суффиксы также придают основному значению глагола многочисленные семантические оттенки. Тожественный перевод таких глаголов почти исключен. Переводчик заменяет глагольную лексему словосочетанием, добавляет новые слова, использует описательный перевод. Конкретное распределение сем происходит в ИЯ и ПЯ по-разному. Семы, которые содержит лексема ИЯ перераспределяются между компонентами словосочетания ПЯ.

Глаголы с частицей -ся в русском языке отличаются конкретностью, образностью, эмоциональностью, оценочностью. В ПЯ часто невозможно актуализировать информацию ИЯ аналогичным способом. Переводчик прибегает к преобразованию:

Оля обнимет ее за готову и разревется (с. 45).

... and Olya would hug her and burst into tears (p. 45).

Русский разговорный глагол разревется обозначает экстра-эмоциональное состояние, усиленное частицей -ся. Разревется означает – плакать с завыванием. Для того, чтобы актуализировать в ПЯ вышеуказанное значение, переводчик прибегает к синонимическому переводу. Он заменяет слово разревется идентичным по эмоциональной окрашенности выражением залиться слезами (burst into tears), а не использует прямой перевод (rais/start a howl, start howling).

Отсутствие соответствующих эмоционально-экспрессивных глаголов в ПЯ приводит к необходимости применять описательный перевод:

Маркел умудрился нахлестаться чего-то смертоубийственного в это безалкогольное время... (с. 166).

Markel had already managed to get drunk on some murderous brew ... in those dry days ... (p. 214).

В ПЯ отсутствует эквивалент глагольной лексеме нахлестаться (в значении «напиться»). Переводчик разъясняет посетителям ПЯ значение этой глагольной лексемы.

Пришли ночью, обыск, все перебуторили. Утром увели (с. 37).

They came in the night, searched his flat, turned everything upside down, and took him away this morning (p. 34).

Следствием отсутствия соответствия в русско-английском словаре является конверсная трансформация предложения ПЯ: лексико-синтаксическое перефразирование – замена глагольной лексемы ИЯ перебуторить устойчивым выражением ПЯ – *to turn everything upside down*.

Фразеологизмам, идиомам ИЯ, содержащим эмоционально-экспрессивную информацию, могут соответствовать сочетание слов в ПЯ, представляющее собой адекватную замену лексической единицы ИЯ. При отсутствии эквивалента фразеологизму или идиоматическому обороту ИЯ, перевод производится не по словарному соответствию, а по функциональному тождеству.

Мечта пропитаться своими руками (с. 200).

The dream of living by the sweat of your brow (p. 260).

Ты катишься по наклонной плоскости (с. 47).

You will end up in the gutter (p. 48).

В данной статье рассмотрены далеко не все способы передачи эмоционально-экспрессивной информации в переводном тексте. Но, будущий переводчик литературных текстов должен помнить, что перевод точный в формальном отношении может привести к искажению смысла исходного высказывания, к нарушению языковых и речевых норм ПЯ, к тому, что какая-то не только содержательная, но и эмоционально-экспрессивная информация высказывания будет в ПЯ утрачена, этого, конечно нужно стараться избежать.

Литература

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. – М.: Изд-во ИОСО РАО, 2001. – 222 с.
2. Комиссаров В.П. Современное переводоведение. – М.: Изд-во «ЭКС», 2000. – 188 с.
3. Лагашев Л.К. Курс перевода. – М.: Международные отношения, 1981. – С. 201.
4. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. – М.: Воениздат, 1973. – С.199.

Иллюстративный материал

1. Пастернак Б. Доктор Живаго.- М.: Изд-во «Книжная палата», 1989. – 429 с.
2. Pasternak B. Doctor Zhivago. Trans. by Max Hayward and Manya Harari. – New York: Pantheon Books, 1958. – 559с.